

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»
Гуманитарный Институт

Кафедра государственно-правовых дисциплин

ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В
КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Курсовая работа по дисциплине «Конституционное право Российской
Федерации»

Выполнил:

Студент группы 5281

Николаенко А.И.

« 26 » декабря 2016 г.

Проверил:

Кандидат юридических наук,
доцент

**Гусев Анатолий
Викторович**

« 26 » декабря 2016 г.

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. РОЛЬ И МЕСТО ПРЕЗИДЕНТА В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ.....	6
1.1 Понятие и полномочия института президента в России.....	6
Глава 2. ПАРЛАМЕНТСКИЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ.....	14
2.1 Роль и место парламента в системе разделения властей.....	14
Глава 3. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ.....	27
3.1 Понятие и полномочия судебной власти.....	27
Заключение.....	35
Список использованных источников и литературы	37

Введение

Актуальность выбранной темы заключается в том, что в соответствии с Конституцией России политическая власть в России состоит из трех ветвей: исполнительной, законодательной и судебной, а также органов власти, не входящие ни в одну из трех основных ветвей (например, Счетная палата России, Центральный банк России, Российская академия сельскохозяйственных наук, Уполномоченный по правам человека в России и так далее) [1].

Принцип разделения властей является важнейшим элементом функционирования демократического государства, исключающим возможность соединения законодательной, исполнительной и судебной власти в одних руках.

Согласно теории разделения властей:

- 1) законодательная, исполнительная и судебная власть предоставляются различным людям и органам в соответствии с Конституцией;
- 2) все власти равны перед законом и между собой;
- 3) никакая власть не может пользоваться правами, предоставленными Конституцией другой власти;
- 4) судебная власть независима от политического воздействия, судьи несменяемы, независимы, неприкосновенны и подчиняются только закону.

Разделение властей является характерным признаком правового государства, гарантией его функционирования. Оно обеспечивается механизмом «сдержек и противовесов», под которым понимается частичное совпадение полномочий трех властей [20, с. 54].

Кроме того, разделение власти на три ветви в государстве обуславливается необходимостью:

- 1) четкого определения функций, компетенции и ответственности различных государственных органов;

2) обеспечения возможности контролировать государственными органами друг друга на конституционной основе;

3) эффективной борьбы со злоупотреблениями властью.

Реализация принципа разделения властей всегда сопровождается свободой средств массовой информации, которые часто именуются как «четвертая власть».

Впервые свое юридическое оформление принцип разделения властей нашёл в Конституции США (1787 г.), в конституционных актах Великой французской революции (1789—1794 гг.). Сегодня этот принцип конституционно закреплён в большинстве стран мира.

В Российской Федерации этот принцип также закреплён в Конституции, где говорится, что «государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» (ст.10).

Конституция определяет построение системы высших органов государственной власти Российской Федерации. Законодательная власть на уровне Федерации возлагается на Федеральное Собрание. Исполнительную власть осуществляет Правительство Российской Федерации. Судебная власть осуществляется Конституционным, Верховным, Высшим Арбитражным и другими судами Российской Федерации.

Опыт многих стран, давно установивших разделение власти, свидетельствует о том, что его важным элементом является определенный баланс полномочий между главой государства и парламентом, контролирующим правительство.

Таким образом, рассмотрение вопросов о принципах разделения властей и их отражения в Конституции Российской Федерации, имеет не только теоретический, но и большой практический интерес.

Объектом исследования в данной работе является совокупность правоотношений, направленных на законодательное установление и

регулирование принципов разделения властей.

Предметом исследования в настоящей работе выступает обособленный институт принципа разделения властей.

Основной целью данной работы является детальное и всестороннее рассмотрение вопросов разделения властей и их отражения в Конституции Российской Федерации.

Для успешного достижения поставленной цели необходимо решить ряд промежуточных задач:

Во-первых, рассмотреть роль и место президента в системе разделения властей.

Во-вторых, исследовать парламентский контроль в системе разделения властей.

В-третьих, изучить судебную власть в системе разделения властей.

Нормативную основу исследования, составили внутригосударственные нормативно-правовые акты, касающиеся рассматриваемой проблемы. Исследованы современные источники: федеральные законы России, Постановления Правительства России, законы и подзаконные акты СССР, акты Верховного суда России, судебная практика.

При написании данного научного исследования, в целях наиболее полного и объективного рассмотрения категорий и явлений, используются общенаучные методы: сравнительно-правовой, логический, метод комплексного исследования, метод системного анализа в их разнообразном сочетании.

Структура работы обусловлена выбранной темой и состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы и нормативно-правовых актов. Объём работы составляет 30 страниц.

Глава 1. РОЛЬ И МЕСТО ПРЕЗИДЕНТА В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

1.1 Понятие и полномочия института президента в России

Системный кризис сентября - октября 1993 г. привел к кардинальному изменению формы правления в России. Указанные реалии повлияли на конституционное оформление Российской Федерации по типу французской республики.

Некоторые исследователи теории конституционного права придерживаются мнения о том, что данная классификация некорректно определяет положение главы государства, и предлагают именовать данный вид республики как смешанный (президентско-парламентский). Однако, мы полагаем, что, если в Основном Законе найдется отражение формулировка о том, что «Россия - это смешанная республика», фактически мало что изменится, так как Конституция, нацеленная на широкий круг читателей, не внесет ясности - что же «намиксовали» авторы Конституции и в каких пропорциях. Если же будет закреплена «президентско-парламентская республика», то данная норма еще более запутает положение, так как у тех же читателей сложится впечатление, что одновременно и президент, и парламент осуществляют функции главы государства. Как представляется, закрепление вида республики должно быть произведено с учетом общепринятых в теории конституционного права формулировок, например, существует устоявшийся термин «полупрезидентская» республика, под которым можно подразумевать парламентскую форму правления с «сильным» главой государства [19, с. 25].

Нельзя не согласиться с мнением группы авторов, утверждающих, что «мировая практика свидетельствует о том, что институт президента во многих странах использовался при решении вопросов, связанных с выходом этих стран из кризисных ситуаций (например, во Франции)». Дело в том, что

полупрезидентские республики формируются на базе парламентских, как правило, в условиях назревающего политического и социального кризиса, путем усиления позиций главы государства, его административного влияния, передачи ему существенного числа полномочий по оперативному управлению страной.

В период с 1990 по 1993 гг. в России была сформирована модель президентской республики. Почему же тогда она не была трансформирована в тексте Конституции 1993 г.? Как полагает автор статьи, президентская форма правления имеет ряд существенных особенностей, которые не слишком устраивали первого Президента России. К их числу можно отнести: сильный законодательный орган, обладающий исключительной компетенцией по изданию законов, в том числе принятию бюджета страны; отсутствие у главы государства права роспуска парламента и законодательной инициативы; действенная система «сдержек и противовесов», не позволяющая увеличивать объем президентских полномочий путем издания подзаконных нормативно-правовых актов главой государства; полностью независимая судебная система, выполняющая функции высшего арбитра во взаимоотношениях государственных органов.

При полупрезидентской республике эти «угрозы полновластию» Президента не предусматриваются, что, при определенной харизме главы государства и кризисных условиях для страны, позволяет на практике реализовывать государственную власть сверх нормативно закрепленных полномочий. Именно этот вариант в большей степени устраивал Б.Н. Ельцина. Следует согласиться, что «с момента своего становления в качестве конституционного государства Российская Федерация постоянно двигалась в сторону усиления в ней черт президентской республики» [18, с. 38].

Президент России официально признается лишь главой государства, но не главой исполнительной власти (ч. 1 ст. 80 Конституции России 1993 г.), хотя фактически и наделяется широким кругом исполнительных полномочий. Исходя из этого, наблюдается явное конституционное противоречие со ст. 10

Конституции России, устанавливающей только три ветви власти. Большинство конституционалистов, выявляя данную несогласованность норм, предлагали признать указанное положение особенностью российской государственности, либо, трактуя ч. 1 ст. 11 Конституции России, ввести четвертую ветвь власти - президентскую. Академик О.Е. Кутафин, опровергая данную точку зрения, определял: «Президент России неизбежно должен принадлежать к одной из трех ветвей власти, и, учитывая, что в президентской деятельности преобладают черты, свойственные исполнительной власти, Президент относится к исполнительной власти». Наша позиция по указанному вопросу сводится к необходимости учреждения четвертой ветви власти, которая бы вытекала из функции Президента России - осуществление полномочий верховного арбитра, в связи, с чем именовать данную ветвь власти предлагается «арбитражной». Хотя формально конституционно в России не закреплен статус Президента как верховного арбитра, тем не менее, он логично вытекает из толкования одной из его основных функций, с чем соглашаются многие конституционалисты.

Кроме того, не следует забывать, что определение вида республики зависит от порядка формирования правительства и характера его ответственности перед высшими государственными органами. В России структура федеральных органов исполнительной власти и состав Правительства определяются указом Президента, то есть фактически он сам определяет, какие министерства, агентства, федеральные службы будут осуществлять функции исполнительной власти в государстве. По Конституции Президент до назначения Председателя Правительства России вносит на одобрение Государственной Думы кандидатуру главы исполнительной власти. При этом Основной Закон «развязывает руки» Президенту в выборе нужной ему кандидатуры, так как в случае трехкратного отклонения предложенного кандидата глава государства просто распускает Государственную Думу, назначает Председателя Правительства, который «легитимно» будет осуществлять свои полномочия.

При назначении федеральных министров согласие парламента не требуется в принципе, эта процедура осуществляется путем консультации с Председателем Правительства. В соответствии с ч. 2 ст. 112 Конституции Председатель Правительства должен предложить Президенту кандидатуры федеральных министров и заместителей Председателя Правительства. В нарушение этого Президент фактически самостоятельно назначает как «силовых», так и других министров (п. «л» ст. 83 Конституции Российской Федерации) [17, с. 18].

Данная практика сложилась в связи с расширенным толкованием нормы о том, что «Президент Российской Федерации является Верховным главнокомандующим вооруженными силами Российской Федерации», которое возникло еще во времена первого Президента России. Конечно, в тот непростой период для эффективного управления государством, установления конституционного порядка (да и для обеспечения собственной безопасности) необходимо было иметь полномочия, позволяющие контролировать силовые структуры, чтобы иметь реальные рычаги воздействия на крайне неустойчивое и далеко не единогласное мнение народных представителей. Представляется, что в настоящее время отмеченная практика должна быть нормативно урегулирована, так как исходя из принципа разделения властей, формирование указанных должностей относится к прерогативам главы Правительства, следовательно, необходимо либо на конституционном уровне признать, что Президент России является главой исполнительной власти, либо обеспечить реализацию данных полномочий Председателем Правительства на практике [10, с.65].

Следует согласиться с мнением А.Ю. Калинина о том, что «преобладание личностного начала над началом учреждения является характерной чертой российского политического и правового сознания, и это касается не только политических, но и административных реформ, когда, например, структура правительства строится исходя не из отраслевых и функциональных критериев, а исходя из личностных предпочтений, которые

определяют не только назначение чиновников, но и структуру органа. В частности, этим объясняется столь частое изменение структуры Правительства Российской Федерации в истории уже современной России».

Также необходимо указать, что, не определяя срок деятельности Правительства, Конституция практически приравнивает его к сроку полномочий Президента Российской Федерации, поскольку перед вновь избранным Президентом Правительство слагает свои полномочия. То есть по данному признаку Россия не может считаться суперпрезидентской республикой, так как, хотя и формальная, процедура консультирования с представителями законодательной власти в России существует.

Кроме этого, необходимо учитывать, что сроки полномочий Президента, а следовательно, Правительства (6 лет) и Государственной Думы (5 лет) не совпадают. Таким образом, в России формируется база для еще одного злоупотребления, так как вопрос об истребовании доверия Правительства перед новым составом парламента, который может кардинально отличаться от предыдущего, чье доверие получено, не урегулирован [2, с. 78].

Определяя форму правления, нельзя обойти вниманием вопрос ответственности правительства. Следует заметить, что в Российской Федерации порядок досрочного прекращения полномочий Правительства предусмотрен ст. 116, 117 Конституции России, из текста которых следует, что окончательное решение об отставке Правительства принимается Президентом России - закрепляя право Государственной Думы давать согласие (или отказывать в нем) на назначение Председателя Правительства Российской Федерации, Конституция России в то же время не предусматривает такого права в отношении освобождения от должности главы Правительства. Таким образом, главе государства принадлежит безусловное право освобождать Председателя Правительства, лишь немедленно уведомляя об этом палаты. Фактически же Государственная Дума может отказать в доверии Правительству или выдвинуть вотум недоверия Правительству,

однако угроза ее роспуска Президентом существенно сковывает «порывы» парламентариев [13, с.78].

Конечно, многие находят в этом положительные моменты: стабильность и устойчивость Правительства, а следовательно, общей управленческой политики; отсутствие произвольного прекращения полномочий высшего органа исполнительной власти в связи с изменением партийного состава парламента и так далее.

Представляется, что данные аргументы могут быть состоятельными только при президентской форме правления, так как нельзя не заметить, что в условиях иных форм правления данное положение ведет как минимум к искажению принципа разделения властей и сводит на нет саму систему «сдержек и противовесов».

Также следует указать, что в России признается только солидарная (коллективная) ответственность Правительства перед парламентом, из чего следует, что влиять на состав Правительства Государственная Дума также не может. То есть фактически основной признак парламентской республики в российской действительности носит номинальный характер. Хотя предусматривается возможность постановки вопросов отдельным министрам, но последствия ответов министров, так же как и последствия отчетов министров, определяются Президентом России. Президент может отправить в отставку любого министра, фактически не согласовывая указанное решение ни с кем, хотя чаще всего он все же консультируется с Председателем Правительства Российской Федерации. В контексте указанного следует согласиться с мнением А.В. Крысанова о том, что «наличие абсолютных полномочий у Президента России по отставке Правительства России может повлечь злоупотребление правом, а также пренебрежение принципами ответственности в процессе конституционного применения» [3, с. 41] .

Сравнительно-правовой анализ некоторых полномочий Президента России позволяет прийти к выводу о том, что разговоры о формировании суперпрезидентской республики как закреплённой формы правления в России

преждевременны, так как, исходя из общепринятой классификации, под суперпрезидентской республикой понимается форма «президентского абсолютизма», при которой отсутствуют институты гражданского общества, главой государства становится лидер единственной разрешенной политической партии или военизированной хунты, который получает государственную власть нелегитимным путем, институт выборов не используется, введена обязательная предварительная цензура и так далее.

Учитывая это, можно сделать вывод о том, что Российская Федерация - полупрезидентская (смешанная, президентско-парламентская) республика с явным тяготением к президентской форме правления. Следует согласиться, что «из президентской формы правления российская модель впитала в себя лишь то, что усиливает Президента, а из парламентской - лишь то, что ослабляет парламент, например возможность его роспуска Президентом, что исключено в президентской республике». Указанные факты, скорее, являются особенностями России, вытекающими из специфики исторического, политико-экономического развития, национального состава и географического расположения, чем свидетельствуют о формировании суперпрезидентской системы власти. Верно отмечено, что «особенности свойственны практически каждой стране, поскольку никто не хочет, да и не может, в силу обстоятельств, слепо копировать модель другой страны. Но если попытаться сравнить нынешнюю российскую форму правления с приведенными, то станет ясно, что это, скорее, полупрезидентская республика французского типа - естественно, с определенными особенностями».

Иная форма правления на данном этапе развития российского государства вряд ли возможна, потому что для перехода, как к президентской, так и к парламентской республике требуется деятельный, жизнеспособный и независимый законодательный орган, который бы смог ограничить политические амбиции Президента России и уравновесить исполнительные органы. В этом контексте совершенно точно и образно высказалась Н.А. Боброва: «Президентская власть - это даже не ветвь, а ствол власти, на

который нанизаны другие власти в виде гипертрофированной ветви исполнительной власти и деформированных ветвей законодательной и судебной властей» [4, с .89].

Более целесообразным видится все же закрепление конкретного вида республики в Конституции России во избежание конфликта интересов государственных органов и обвинений их в узурпации властных полномочий. Время конституционной реформы уже назрело, действующая Конституция слишком часто стала использоваться как «ширма для политических игр». Представляется, что при должном правовом регулировании и официальном конституционном закреплении полупрезидентская (смешанная) форма правления является оптимальной для Российской Федерации, так как позволяет эффективно функционировать в различных вновь возникающих ситуациях. При этом необходимо законодательно определить исчерпывающий перечень полномочий Президента России, при этом «минимизировав пределы политического усмотрения путем установления политико-правовых механизмов сдерживания со стороны других органов государственной власти». Доктрину «скрытых полномочий» главы государства необходимо максимально законодательно урегулировать.

Глава 2. ПАРЛАМЕНТСКИЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

2.1 Роль и место парламента в системе разделения властей

В системе разделения властей как неотъемлемом признаке демократического государства каждая из властей в том или ином объеме осуществляет деятельность по конституционно-контрольным «сдержкам» смежной ветви власти. Так, парламенты, помимо осуществления представительной и законодательной власти, имеют конституционно-контрольные полномочия по отношению к исполнительной власти (правительству, министрам), президенту государства (вправе отрешать от должности, контрассигнуют все, либо отдельные виды актов главы государства, соответственно с правом отклонения этих актов и другое). Главы государств - президенты (прежде всего, в президентских и президентско-парламентарных республиках) наделяются полномочиями по контролю и надзору в отношении деятельности исполнительной власти (министров, премьер-министра) и парламента (в парламентских и президентско-парламентских республиках). Суды (прежде всего высшие) обладают полномочиями конституционного контроля и надзора в отношении актов и действий органов и должностных лиц законодательной и исполнительной ветвей власти.

Парламентский контроль является разновидностью конституционного контроля. Конституционный контроль как контроль над властью (прежде всего в высших ее звеньях) в России стал утверждаться по мере продвижения реформ конституционного строя России, предпринятых с 90-х годов XX столетия.

Наиболее широкое представление по поставленной теме - о теоретических признаках парламента и об определении понятия парламентского контроля, на наш взгляд, предполагает сопоставление его с различными, порой разнопорядковыми с ним категориями, а именно:

а) его сравнение с иными формами принудительного государственного обеспечения процессов реализации (соблюдения, исполнения, использования) права: охрана, защита, надзор, проверка отчетов о деятельности по применению мер юридической ответственности, мониторинг (наблюдение), сбор информации о положении дел в стране и другое;

б) анализ парламентского контроля в контексте разных форм правления и политических режимов;

в) исследование с позиции функционирования системы «сдержек и противовесов» в системе разделения властей и в плане соотношения с такой категорией, как «парламентаризм»;

г) сопоставление с иными функциями (организационно-правовыми формами деятельности) парламента;

д) выявление перечней объектов и субъектов парламентского контроля;

е) систематизация и сравнительные анализы форм парламентского контроля, определение общего и специфики каждой из них;

ж) определение стадий парламентского контроля;

з) установление критериев эффективности парламентского контроля [5, с. 74].

Обратимся к анализу понятия парламентского контроля через его сравнения (анализы) в контексте указанных выше категорий (систем, правовых институтов), выделяя в процессе такого анализа квалифицирующие признаки парламентского контроля.

Во-первых, парламентский контроль - это разновидность государственной деятельности по принудительному обеспечению процессов реализации конституции и законов государства в случае их отторжения (неисполнения) в системе высшей власти (прежде всего исполнительной). Является ли парламентский контроль по своей природе разновидностью охранительной либо правозащитной деятельности? Как можно представить его соотношение с надзором? Можно ли вообще говорить о парламентском надзоре либо только о контроле? Связан ли всегда парламентский контроль с

применением мер юридической ответственности? Эти вопросы мы формулируем риторически, ответы совпадают, с поставленными вопросами.

Контрольная деятельность является наиболее всеохватывающей, она завершается (может завершиться) применением мер юридической ответственности. Все иные виды принудительной охранительной деятельности можно характеризовать как незавершенные формы (стадии) контроля. В этом смысле отдельные формы парламентской деятельности, которые, как правило, именуют формами (аспектами, направлениями) парламентского контроля, точнее было бы называть, в частности, парламентским надзором, например парламентские слушания, парламентский мониторинг исполнения законодательства. А, допустим, процедуру импичмента в парламенте точнее было бы характеризовать как судебные полномочия парламентов, что, впрочем, делают некоторые авторы [6, с. 32].

Что касается соотношения понятий «парламентская проверка отчетов», «привлечение к парламентской ответственности», то, на наш взгляд, парламентская проверка отчетов является одной из форм парламентского надзора. А относительно соотношения понятий «парламентская проверка отчетов» и «привлечение к парламентской ответственности» можно сослаться на оценки, данные в юридической литературе, где указывается, что «подотчетность правительства и министров парламенту не всегда означает их ответственность перед ним, но ответственность, если существует (при парламентарных и смешанных формах правления), включает в себя и подотчетность. Это часто имеет следствием то, что в конституциях государств с парламентскими и смешанными формами правления говорится только об ответственности, но не о подотчетности: и так, мол, ясно, что если есть первая, то есть и вторая».

Наконец, парламентский контроль воплощает в себе не только правоохранительную, правозащитную и надзорную функции, но и связан с мониторингом (наблюдением) и сбором, получением через парламентские процедуры информации о положении дел в стране. На чрезвычайную

важность деятельности по сбору информации обращает внимание В.В. Маклаков. В юридической литературе предлагаются определения парламентского контроля через указание на такую его функцию, как наблюдение. Так, по мнению М.М. Утяшева и А.А. Корнилаевой, «парламентский контроль - это осуществляемый высшим законодательным (представительным) органом государственной власти комплекс различных мер по постоянному наблюдению и проверке деятельности системы, а также по устранению выявленных в результате такой проверки нарушений и предупреждению возможных несоответствий» [7, с. 65].

Во-вторых, важным признаком парламентского контроля является его совместимость с той или иной формой правления, объемы такой совместимости и причинная связь с политическим режимом. Большинство специалистов, как правило, указывают на зависимость парламентского контроля от формы правления. По этому вопросу следует поддержать позицию профессора А.А. Мишина, который считает, что в первую очередь парламентский контроль зависит от политического режима, он «присущ лишь демократическому политическому режиму». Что касается связи с формой правления, то следует согласиться с распространенным мнением, что контрольные процедуры в парламентах «в той или иной форме свойственны парламентам всех демократических государств независимо от формы правления; в том числе такая наиболее важная контрольная процедура, как отчеты правительства и его членов». Однако большее значение парламентский контроль имеет в парламентарных государствах и полупрезидентских республиках, здесь они обширны. В президентских же республиках «контрольные полномочия менее разнообразны».

В-третьих, парламентский контроль является элементом механизма «сдержек и противовесов», включен, таким образом, в систему разделения властей. В этой связи, по моему мнению, законодательную ветвь власти более точным было бы называть парламентской ветвью власти и различать в классической триаде парламентскую, исполнительную и судебную ветви.

Кроме того, следует разделить мнение специалистов о том, что каждая ветвь власти «несет в себе признаки, свойственные каждой из противоположных властей», что «каждая из ветвей власти реализуется в одних и тех же организационно-правовых формах, то есть и через нормотворчество, и на основе позитивного правоприменения, и как правоохранительная деятельность»; что только таким образом может действовать механизм взаимодействия, конкуренции и «взаимного сдерживания» властей, а именно: посредством корреспондирующих организационно-правовых форм их реализации. При таком подходе в парламентском статусе поддерживается не только ее основная функция и организованно-правовая форма деятельности - законодательная, но и другая - контрольная форма деятельности, контрольная функция парламента.

Признаками парламентского контроля являются его связь не только с формой правления, но и с системой парламентаризма, который стоит в одном ряду с указанными выше двумя институтами. В конституционном праве под парламентаризмом, в частности, понимается «система организации государственной власти на основе принципа разделения властей, при которой функции парламента и правительства четко разграничены; при этом роль парламента признается приоритетной: правительство, являясь органом исполнительной власти, образуется парламентом и несет перед ним ответственность».

Отсюда парламентский контроль может быть определен как компонент системы организации государственной власти.

В-четвертых, важным критерием (показателем) в характеристике парламентского контроля является выявление его объектов и субъектов. В связи с исследованием объектов парламентского контроля в конституционном праве указывается, что таким объектом чаще всего выступает деятельность исполнительной власти, ее органов и должностных лиц «с целью выявления ее неправомерности или неэффективности». Надо бы особо выделить парламентский контроль деятельности правительства, связанный с отчетом об

исполнении бюджета, то есть бюджетную исполнительную деятельность правительства как объект парламентского контроля. Б.А. Страшун, В.А. Рыжов отмечают, что «контроль за исполнительной властью чаще всего носит политический характер, то есть, обращен на политическую деятельность правительства и его членов (главным образом при парламентарных и смешанных формах правления), хотя, разумеется, осуществляется в юридических формах, тогда как в отношении остальных субъектов характер контроля - чисто юридический: если не удастся установить нарушения каких-либо правовых норм, для подконтрольного органа, учреждения, должностного лица не может возникнуть никаких отрицательных правовых последствий».

Объектом парламентского контроля чаще всего выступает исполнительная власть, но контроль этот может в отдельных случаях распространяться на главу государства, судебную власть, местное самоуправление, вооруженные силы и другое. Кроме того, специалисты отмечают: «В отдельных случаях объектом расследования может стать деятельность государственных и частных корпораций, а также определенных предпринимательских объединений (палат) в случаях, когда они осуществляют публичные функции».

По данным Е.В. Ковряковой, «в некоторых странах, как, например, в Австрии, контрольные права Национального и Федерального советов (палат парламента Австрии) распространяются не только на Федеральное правительство и его членов, но и на предприятия, в которых Федерации принадлежит не менее 50% основного и собственного капитала. При этом сами предприятия должны подлежать контролю со стороны Счетной палаты (ст. 52, ч. 2 Федерального конституционного закона Австрийской Республики 1920 г., с последующими изменениями)» [8, с. 39]. Тем не менее, как указывает автор, парламентский контроль, как правило, «проводится в связи с незаконным финансированием партий либо предвыборных кампаний», то есть контролируется не хозяйственная деятельность, а сфера политического усмотрения исполнительной власти.

К субъектам парламентского контроля, думается, относятся все подразделения парламентской системы, участвующие одновременно и в законотворчестве (имеющие свою долю полномочий в законодательном процессе). Вместе с тем, очевидно, целесообразно провести классификацию субъектов парламентского контроля. Так, возможно их деление по такому основанию, как: являются ли они субъектами прямого либо косвенного парламентского контроля? Допустим, палаты парламентов, группы депутатов, партийные фракции в парламентах, парламентские комитеты и комиссии, отдельные депутаты - это субъекты прямого парламентского контроля. А такие органы, как счетные палаты парламентов, уполномоченные по правам человека (омбудсмены) при парламентах, - субъекты косвенного парламентского контроля.

С учетом того что каждая из категорий субъектов парламентского контроля «привязана» к определенной категории его объектов, возможно деление (классификация) субъектов парламентского контроля соответственно критерию объекта парламентского воздействия. По этому основанию в круге субъектов парламентского контроля можно различить:

- субъекты права парламентского контроля, компетентные обращаться к правительству, к отдельным членам правительства, к иным государственным органам с требованием предоставления информации к отчету по вопросу, относящемуся к их компетенции (палаты парламентов, отдельные депутаты, группы парламентариев, партийная фракция в парламенте, некоторые другие);

- субъекты права парламентского контроля, компетентные заслушивать сообщения, отчеты органов и должностных лиц исполнительной власти, рассмотрение актов делегированного законодательства и другие;

- единоличные (депутаты) и коллегиальные (палаты парламента, комитеты и комиссии парламента) субъекты парламентского контроля [9, с. 31].

В юридической литературе выделяются не субъекты парламентского контроля, а субъекты правоотношений в области осуществления

парламентского контроля. Очевидно, что речь идет о другой, более широкой по числу категории субъектов. Так, выделяющая этот вид субъектов Е.В. Коврякова указывает, что «субъектами правоотношений в области осуществления парламентского контроля являются: во-первых, парламент и правительство, например в парламентарной Германии (во Франции и Соединенных Штатах Америки помимо правительств еще и президенты - в случае привлечения их к уголовной ответственности или к импичменту соответственно); во-вторых, правительственное большинство в парламенте и оппозиция (например, в Федеративной Республики Германии); оппозиционное президенту либо поддерживающее его парламентское большинство и оппозиционные к нему парламентарии (например, в Соединенных Штатах Америки); в-третьих, оппозиционное президенту парламентское большинство и оппозиция этого большинства в парламенте либо оппозиционное президенту и правительству (если при его формировании не были учтены политические предпочтения большинства депутатов) парламентское большинство и оппозиция этого большинства (например, во Франции). Нельзя не упомянуть и о деятельности вспомогательных органов, участие в формировании которых принимает парламент (так называемый косвенный парламентский контроль). Сюда относятся: различные вспомогательные службы Конгресса Соединенных Штатов Америки (Исследовательская служба, Управление оценки технологий до его упразднения в 1995 г., Бюджетное управление и Главное ревизионное управление), шведский омбудсмен, контролеры Сейма Литовской Республики, Уполномоченный Верховной рады Украины по правам человека, Уполномоченный бундестага по обороне, Счетные палаты (суды) и так далее».

В-пятых, важным аспектом в характеристике парламентского контроля является система форм парламентского контроля. Списки форм парламентского контроля, которые даются в российской научной литературе, в основном совпадают. В соответствии с анализом А.А. Мишина, данным на материалах зарубежных стран, современной парламентской практике известны такие основные методы парламентского контроля над деятельностью

правительства (наиболее важное из контрольных полномочий парламентов), как:

- постановка по инициативе правительства вопросов «о доверии парламента правительству - применяется лишь в парламентских странах, где правительство несет ответственность перед парламентом (обычно перед нижней палатой) за свою деятельность»; ставит угрозу роспуска парламента;

- резолюция порицания деятельности правительства парламентом - применяется лишь в парламентарных странах, вносится по предложению палаты парламента; влечет те же правовые последствия, что и вотум недоверия;

- интерпелляция - применяется лишь в парламентарных странах - «обращенное к правительству требование дать объяснение по поводу проводимой или внутренней, или внешней политики или по какому-либо конкретному вопросу... может вызвать отставку правительства, если его деятельность в ходе обсуждения и последующего голосования будет признана неудовлетворительной»;

- устные и письменные вопросы депутатов к правительству на заседании парламента - с целью получения информации и публичного изложения недостатков в деятельности правительства, его критики; используется в парламентарных странах;

- «деятельность расследовательских комитетов и комиссий, которые создаются парламентами всех стран, вне зависимости от формы правления».

В науке конституционного права некоторыми авторами осуществляются классификации (группировки) методов и форм парламентского контроля.

Так, многие специалисты, в том числе авторы Большого юридического словаря под ред. А.Я. Сухарева и В.Е. Крутских, осуществляют деление методов и форм парламентского контроля над деятельностью правительства по основанию их отношения к форме правления. В этой связи различаются:

- 1) методы парламентского контроля над деятельностью правительства, применяемые в парламентарных государствах и полупрезидентских

республиках (постановка вопроса о доверии, резолюции порицания, интерpellация, парламентские вопросы, парламентское расследование);

2) методы парламентского контроля, применяемые в президентских республиках («парламентское расследование, которое может повлечь (в исключительных случаях) применение процедуры импичмента») [11, с. 52].

Оригинальные способы классификации по десяти критериям предлагает Е.В. Коврякова:

1) в зависимости от органов, осуществляющих парламентский контроль, различаются: осуществляемый парламентом в целом; его органами и (или) должностными лицами, отдельными депутатами; парламентский контроль, осуществляемый органами и должностными лицами, не входящими в структуру парламента, - счетной палатой, комиссией по правам человека при парламенте, уполномоченным по правам человека и так далее;

2) по времени осуществления парламентского контроля - упреждающий, сопутствующий, последующий;

3) по содержанию - парламентский контроль в сфере соблюдения прав человека; в финансовой сфере; в сфере обороны и безопасности государства; контроль за делегированным законодательством и средствами массовой информации и другие;

4) в зависимости от формы правления - парламентский контроль в президентской, полупрезидентской и парламентской республиках, а также конституционной монархии;

5) в зависимости от состояния политического и государственного режима - реальный и «спящий» парламентский контроль;

6) парламентский контроль, осуществляемый парламентским большинством, и парламентский контроль оппозиции (меньшинства);

7) «в широком и узком смысле» - общий и специальный парламентский контроль;

8) по критерию избранной процедуры - гласный и негласный;

9) по основаниям проведения - «юридический (основание - правонарушение должностного лица) и политический (основание - политика, проводимая исполнительной властью)»;

10) по критерию повода контрольных действий: «конкретный (когда осуществление парламентского контроля связано с тем или иным уже произошедшим событием)» и «абстрактный (например, упреждающий контроль Конгресса США за исполнением бюджета)».

Хотя вопросы классификаций форм и методов парламентского контроля не столь часто являются предметами научных анализов, тем не менее, можно отметить определенные расхождения научных позиций. Так, есть разные представления о характеристике полномочий парламента, связанных с осуществлением процедуры импичмента. А.А. Мишин считает, что в этой компетенции проявляются судебные полномочия парламентов.

Большинство других авторов исходят из того, что полномочия по импичменту - разновидность контрольных полномочий парламентов.

В-шестых, теоретическая характеристика парламентского контроля связана, помимо вышеизложенных аспектов, и с определением стадий его осуществления. Ограничимся указанием на то, что они специфичны: их число; круг субъектов и объектов, соответствующих каждой из стадий; содержание контрольных действий зависят от формы (метода) парламентского контроля, специфичны для каждой из форм.

В-седьмых, в завершение отметим, что важным аспектом в характеристике парламентского контроля является установление критериев эффективности парламентского контроля [11, с. 65].

Весьма интересны соображения, высказанные по этому вопросу В.В. Маклаковым. Он различает два важнейших условия эффективного парламентского контроля.

Во-первых, автор справедливо считает: «Для того чтобы эффективно контролировать деятельность исполнительной власти и вообще государственной администрации, парламентарии должны обладать

достаточной информацией о положении дел в стране. Только в результате ее оценки парламент может действовать тем или иным образом, вплоть до требования смещения министров или правительства в целом. Такую информацию получают парламентарии в ходе их обычной деятельности. Заметную роль в этом отношении играют постоянные комиссии парламента, в которых проходит детальное обсуждение законопроектов; в эти органы представляются разнообразная информация, относящаяся к кругу их ведения, различные документы и иная сопутствующая информация; в комитетах и комиссиях заслушиваются приглашенные министры и другие высшие должностные лица администрации. Изучение деятельности правительства в комиссиях проходит во всех странах, независимо от их формы правления».

Во-вторых, В.В. Маклаков высказывает интересную мысль, что «эффективность контрольной деятельности» парламента «резко увеличивается при такой организации комитетской и комиссионной систем в парламенте, когда компетенция комитета (комиссии) совпадает со сферой деятельности министерств. Он приводит такие примеры: например, в 90-х годах XX в. в бундестаге ФРГ из 23 комиссий 19 занимались рассмотрением вопросов, совпадающих с кругом обязанностей министерств; бюджет, находящийся в ведении министерства бюджета, подпадал под юрисдикцию двух комиссий - бюджетной и финансовой. Аналогичная картина наблюдалась и в парламенте Японии, в палатах которого сфера деятельности комиссии по общему правилу соответствовала кругу ведения соответствующих министерств. Исключение составляли лишь комиссии по проверке государственных счетов, по регламенту, по дисциплине и по государственному бюджету».

Надо поддержать широко распространенное представление о связи эффективности парламентского контроля с формой правления. В парламентских странах парламентский контроль более многообразен в своих формах и методах, поэтому имеет более весомые конституционно-правовые предпосылки для своей эффективности [12, с. 57].

Кроме того, бесспорно, что независимо от формы правления условием номер один эффективности парламентского контроля является многопартийная система. В российской юридической литературе справедливо указывается, что политическая оппозиция, выраженная «в цивилизованных правовых формах», играет позитивную роль в общественно-политической системе. Ошибочно характеризовать оппозицию в увязке с «деструктивной функцией». Следует согласиться с С.В. Васильевой, что «деструкция», которую несет в себе политическая оппозиция, может быть связана с ее действиями, противоречащими закону. В этом случае в законодательстве устанавливается ответственность политической оппозиции и (или) ее представителей». В то же время для обеспечения эффективности парламентского контроля особенно актуально установление гарантий деятельности и ответственности партийных фракций в парламенте. Для России эта проблема имеет высокий масштаб, поскольку при нормативно объявленной многопартийности практически ее политическая система функционирует на основе доминирования одной партии. В этой связи в Федеральные законы о статусе члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы, о политических партиях, в Регламент Государственной Думы целесообразно ввести особые гарантии статусов партийных фракций в Государственной Думе в реализации различных форм депутатского контроля.

Глава 3. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

3.1 Понятие и полномочия судебной власти

Закрепление в статье 10 Конституции Российской Федерации принципа осуществления государственной власти на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную при самостоятельности соответствующих властных органов (принципа «разделения властей») символизировало возвращение России к исконным конституционно-правовым ценностям, выстраданным в ходе развития юридической цивилизации. Между тем совершенно очевидным представляется то обстоятельство, что сам принцип разделения властей как фундаментальный принцип правового государства имеет свои исторические истоки в совсем иной политической и правовой реальности. В этой связи понятна условность вербальной формулировки данного принципа в тексте действующей российской Конституции, равно как и в нормативных положениях иных законодательных актов. Поэтому, с одной стороны, современный анализ структурно-функциональных характеристик органов государственной власти с неизбежностью приводит к выводу о необходимости модернизации понимания принципа разделения властей. С другой стороны, актуален отказ от начетнического подхода, характеризующегося стремлением отдельных авторов разместить все существующие или создаваемые органы государственной власти по зафиксированным в тексте действующей отечественной Конституции «трем нишам».

Ход общественного развития на разных этапах с неизбежностью порождает соответственно и различное научное осмысление специфических особенностей структурирования и функционирования органов государственной власти. В современных условиях в классической теории «разделения властей» интерес представляет лишь сама ее форма, «конструктивная оболочка», позволяющая очертить на конституционном уровне фундаментальные принципы построения системы государственной власти. Сама же эта теория в силу естественно-исторических причин не может восприниматься в своей буквальной интерпретации спустя несколько столетий после ее формулирования Ш. Монтескье.

При этом соответствующая функция, а точнее - правовая форма осуществления функций государственной власти (законодательная, исполнительная, судебная), не должна рассматриваться в качестве производной от существующих государственных органов (у Ш. Монтескье властная функция органа выводится из структуры самого органа). Напротив, первичной по отношению к структуре власти должна признаваться властная функция [14, с. 39].

Следовательно, определение властной функции должно предшествовать созданию властной структуры (органа), предназначенной для реализации данной функции, а не наоборот. Между тем реальная практика государственного строительства показывает, к сожалению, многочисленные иные примеры, когда создание государственного органа (например, под конкретное лицо) предшествует моделированию его функционала, иногда объективно не подтверждаемого общественными потребностями.

Сохранение принципа разделения властей в современном конституционализме, прежде всего, как формы организации государственной власти и, более того, легализация указанного принципа в тексте конституций, включая отечественную, связаны главным образом с различиями в юридической природе мандатов, лежащих в основе функционирования соответствующих этим мандатам систем органов государственной власти.

Так, идея представительного мандата, получаемого от непосредственного носителя суверенитета, жестко связана с системой законодательной власти. Идея мандата администрирования (властного агентирования) предопределяет природу исполнительной власти как агента по реализации государственных функций (управления в узком смысле данного термина) на основании соответствующего генерального поручения суверенного представителя (законодателя). Наконец, правовая природа судебной власти предопределена идеей юрисдикционного мандата, либо данного непосредственно носителем суверенитета, либо полученного судом (судьей) в результате взаимодействия двух других систем государственной власти (представительной и исполнительной) и направленного на реализацию специфического полномочия по устранению общественной энтропии, приведению разбалансированной в результате правонарушения социальной системы (в целом либо ее определенного участка) в состояние равновесия.

Другой аспект характеристики теории разделения властей связан с осознанием необходимости менее жесткого разграничения функционала каждой из «ветвей» государственной власти.

Можно, по всей видимости, утверждать, что современное - «постклассическое» восприятие конституционного принципа разделения властей не может не предполагать более жесткий акцент на второй - после собственно разделения - фундаментальной составляющей этого принципа, а именно на системе сдержек и противовесов. Последнее означает - исключительно в целях обеспечения принципов правового государства - более интенсивное взаимопроникновение нормоустановительных, нормоприменительных и нормостабилизационных составляющих функционала классической триады законодательной, исполнительной и судебной власти [15, с. 184].

Общий взгляд на функциональное предназначение органов государственной власти, разнесенных по трем основным «ветвям», требует осознания того обстоятельства, что общесоциальное предназначение и

имманентная правовая природа парламента заключаются главным образом в представительстве (представительный мандат законодательной власти). По сути, парламент есть конечный транслятор народного волеизъявления и по этой причине управомочен носителем суверенитета (народом) устанавливать наиболее фундаментальные и, следовательно, общие по своему правовому содержанию принципы существования и функционирования общества, из которых вытекает содержание издаваемых законодательным органом юридических норм.

Судебная власть, имея в качестве своего основного социального предназначения обеспечение баланса развивающейся общественной системы, достигает эту цель посредством разрешения правовых споров в процессе судопроизводства (юрисдикционный мандат). При этом основная функция - собственно судебная деятельность - заключается в разрешении конкретного правового спора между традиционными субъектами - носителями прав и обязанностей («судить и рассуживать людей»).

Однако деятельность судебной власти не может быть этим ограничена. На определенном этапе ее развития появляется функция нормоконтроля, состоящая в оценке законности правового акта («судить закон»). В процессе нормоконтроля возникает с неизбежностью нормотворческая функция суда, который оперативно и профессионально может снять общественное противоречие посредством аутентичного восполнения пробела, неизбежно образующегося в результате собственной нормоконтрольной деятельности суда.

Признание необходимости и закономерности судебного нормотворчества, по крайней мере применительно к конституционной юстиции, представляет собой важнейшую гарантию против возникновения ситуации, при которой неэффективное осуществление либо неосуществление нормотворческих правомочий иными ветвями государственной власти ставило бы под угрозу безусловную реализацию генеральной функции (социального предназначения) государства по обеспечению общественной консолидации. За

скобками в данном случае остаются естественно-исторические причины появления судебного нормотворчества и судебного прецедента в современных правовых системах (включая отечественную), традиционно охватываемых континентальной правовой семьей, связанные с процессами глобализации и правовой конвергенции [16, с. 46].

Одной из существенных предпосылок прецедентного характера англосаксонской правовой семьи является, как известно, юридическая максима об абсолютной недопустимости непринятия правоприменительного решения в условиях нормативной неурегулированности соответствующей правовой ситуации. Данное правило, таким образом, предполагает, что суд не вправе отказывать в принятии решения по делу, ссылаясь на отсутствие нормы. Суд в системе общего права в данном случае создает прецедент, т.е. придает общеобязательное (нормативное) значение правоприменительному решению по аналогичному конкретному делу.

Данный подход вполне укладывается в систему континентальной правовой семьи, для которой характерно доминирование юридического нормативизма. Более того, он находит свое место в романо-германской правовой семье в виде конституционной гарантии судебной защиты прав и свобод и признания абсолютного характера права на доступ к правосудию (например, ст. 46 Конституции Российской Федерации).

Следовательно, доктринальная нерешенность проблемы включения судебного нормотворчества и в качестве его непосредственного результата судебного прецедента (судебной нормы) в перечень формальных источников российской системы права связана с причинами, находящимися, скорее, в плоскости психологии. Никто до сих пор не смог ответить на вопрос о возможных негативных последствиях включения судебной нормы в систему форм (источников) национального права. Напротив, признание в качестве формального источника права судебной нормы позволяет существенно обогатить национальную правовую систему дополнительными юридическими возможностями позитивной регламентации социальных отношений, к тому же

возможностями более динамичными по сравнению с традиционным законотворческим процессом и уж, во всяком случае, не менее профессиональными. Представляется, что положительное разрешение данной проблемы позволит, признав свершившийся факт юридической конвергенции, открыть новые возможности научного познания и специально-правового воздействия на общественные отношения, каким является нормативное правовое регулирование [17, с. 72].

Зачастую грань между нормативной образующей и интерпретационной составляющих судебных решений чрезвычайно тонка. Можно, по всей видимости, утверждать, что судебные акты, являющиеся результатом обобщения судебной практики и одновременно определяющие вектор дальнейшего развития этой практики, обладают смешанной правовой природой - имеют нормативно-интерпретационный характер. При этом правовая наука до сих пор не выработала четких критериев разграничения правоприменительного (судебного) толкования, в результате которого восполняется пробел в правовом регулировании на основе принципов аналогии права, и правоприменительного (судебного) нормотворчества, результатом которого становится судебная норма.

Эта проблема имела слабую актуальность в условиях закрытости правовых систем и отсутствия института конституционного нормоконтроля (Россия до 1991 г.), поскольку вопросы нормативного характера судебных актов возникали лишь в связи с постановлениями Пленумов Верховного Суда. В условиях уже упоминавшихся активных процессов глобализации, сопровождаемой конвергенцией правовых семей, и особенно в связи с появлением конституционной юстиции, настоятельная необходимость разрешения поставленных юридической практикой вопросов существенно возросла.

В данном контексте уместно вспомнить также о таких институтах гражданского и арбитражного процессуального права, как обращение в суд в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц (ст. 45

и 46 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации) и рассмотрение дел об оспаривании (о признании недействующими) нормативных правовых актов (судебное производство в сфере нормоконтроля) (глава 24 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, глава 23 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Очевидно, что результат правоприменительной по своему характеру судебной деятельности в сфере указанных процессуальных институтов существенно отличается от юрисдикционных решений судов общей и арбитражной юрисдикции, выносимых по результатам рассмотрения обычных правовых споров. В самом деле судебные акты, принимаемые в рамках указанных процессуальных институтов, обладают качеством нормативности, в известном смысле прецедентности уже в силу деперсонифицированной направленности их действия.

Следует особо подчеркнуть ценность постепенного, но неуклонного проникновения в российскую правовую культуру признания нормативности решений Конституционного Суда Российской Федерации, учета содержащихся в них правовых позиций при формировании общей и арбитражной юрисдикционной практики, включения прямых ссылок на соответствующие акты Конституционного Суда Российской Федерации в тексты судебных решений в качестве их обоснования.

Продолжая рассуждения о диверсификации функционала различных ветвей государственной власти, важно отметить то обстоятельство, что для судебной власти не исключена также исполнительная функция. При этом по аналогии с системой законодательных органов государственной власти она не является профилирующей при оценке правовой природы судебной власти, однако также имеет внутреннюю и внешнюю направленность. Внутренний аспект правоисполнительной функции суда сводится к принятию соответствующих правовых актов, касающихся организации его работы в качестве органа государственной власти. Внешний же аспект затрагивает включенность судебных органов в систему сдержек и противовесов,

являющуюся непосредственной составляющей системы «разделения властей». Именно в данном аспекте следует рассматривать природу, например, такого полномочия Конституционного Суда Российской Федерации, как разрешение споров о компетенции (п. 2 ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), а также полномочия органов конституционного правосудия в отдельных странах, касающиеся легитимации различных юридически значимых процедур, - признание конституционности результатов выборов, референдумов, а также актов и деятельности политических партий и объединений.

Таким образом, каждая из систем государственной власти (законодательной, исполнительной, судебной), разделенных с точки зрения различий своего социального предназначения (мандата), обладает соответствующим набором функций, реализуемых в нормотворческой, нормоисполнительной либо юрисдикционной форме. Каждая из указанных систем государственной власти осуществляет издание общеобязательных правил поведения, является участником управленческого процесса (в широком смысле), наконец, задействована в снятии общественных противоречий посредством разрешения юридических споров. При этом каждая из ветвей государственной власти использует специфический, только ей присущий набор правовых средств выполнения соответствующих полномочий, и именно указанная специфика предопределяет особенности правовой природы каждой из систем государственной власти.

Заключение

Для эффективного развития и функционирования общества и страны в целом государству необходим современный структурированный механизм управления. Таким механизмом для стран считается принцип разделения властей.

Принцип разделения властей – это рассредоточение государственной власти на отдельные, не зависящие друг от друга политические институты, у которых есть свои права и обязанности в определенной отрасли власти и имеется своя система сдержек и противовесов.

Разделение властей способствует более быстрому по скорости ведению политического процесса. Разделение властей служит своеобразным «турникетом в дверях политической деятельности государственного аппарата» и тем самым позволяет действиям и решениям органов власти (по принятию законов, их воплощению в жизнь и контролю за исполнением) проходить намного быстрее. Таким образом, принцип разделения властей увеличивает скорость преобразований в различных сферах общества страны.

Принцип разделения властей подразумевает наличие структуры институтов каждой власти (Министерства — Кабинеты — Комиссии), что приводит к росту бюрократического аппарата в стране. Исследования РБК на основании данных Росстата в 2015 году показали: количество конкретно госслужащих составило 1 млн. 455 тыс. человек, то есть 102 чиновника на 10 тыс. человек. В РСФСР на пике расцвета бюрократизма в 1988 году аппарат чиновников насчитывал 1 млн. 160 тыс. человек или 81 чиновник на 10 тыс. человек населения (на 20% меньше, чем в 2015 году).

Нельзя отрицать и следующую тенденцию в работах М. Ориу: на практике постепенно происходит подавление законодательной власти исполнительной, парламента — правительством. Это связано с возрастанием влияния Президента и Правительства, их результативной деятельностью, политическим и экономическим состоянием в стране.

Из всего выше сказанного можно сделать вывод, что принцип разделения властей в настоящее время хоть и закреплён юридически во многих странах мира, в действительности же скорее представляет собой политический идеал, чем конкретное состояние, в связи со сложностью претворения в жизнь данного принципа в конкретных условиях.

Список используемых источников и литературы

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 года, № 11-ФКЗ)// Российская газета от 25 декабря 1993 года, № 237.

Литература

2. Арановский К.В. Разделение властей как условие конституционной демократии // Правовед. № 10. 2015.

3. Бакулин С.К. Зачем России суперпрезидентская власть? // Цивилист. № 1. 2015.

4. Безруков А.В. Роль Президента России в механизме реализации конституционных принципов федерализма, единства государственной власти и разделения властей // Политика и общество. N 3. 2014.

5. Боброва Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. N 3. 2013.

6. Васильева Н.Ю. Институт президентства в системе публичной власти РФ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

7. Вишняков В.Г. Проблемы реорганизации федеральных органов государственной власти в условиях демократизации политической системы государства // Законодательство и экономика. N 1. 2014.

8. Калинин А.Ю. Принцип разделения властей и особенности правообразования в России // Законность. № 8. 2015.
9. Карасев А.Т., Морозова А.С. Глава государства в системе разделения властей: некоторые вопросы характеристики полномочий // Конституционное и муниципальное право. N 8. 2014.
10. Козлова Е.И. Конституционное право России: Учебник. 6-е изд., перераб. и доп. / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. М.: Проспект, 2015.
11. Колосова Н.М. Роль Президента РФ в системе разделения властей // Проблемы права. N 3. 2015.
12. Крохина Ю.А. Особенности проявления принципа разделения властей
13. в Российской Федерации // Помощник юриста. № 9. 2015.
14. Крысанов А.В. Конституционно-правовая ответственность Правительства Российской Федерации и его должностных лиц: основания и порядок реализации // Конституционное и муниципальное право. N 5. 2015.
15. Кутафин О.Е. Глава государства. М., 2015.
16. Мамаева Я.Ю. Особенности формы правления в России в контексте реализации отдельных полномочий главы государства // Закон. № 3. 2016.
17. Мамаева Я.Ю. Некоторые особенности формы правления в современной России, на примере генезиса отдельных полномочий Президента РФ // Право в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Уральский институт - филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2014.
18. Митюнин П.А. Профессор ВШЭ выяснил, что Россия стала суперпрезидентской республикой. Кремль протестует // Новости России. 29 марта 2014 года.
19. Прокофьев В.Н. Основные направления совершенствования института президентства в России // Адвокат. № 6. 2016.

20. Сергевнин С.Л. Судебная власть и конституционное правосудие в контексте принципа разделения властей // Право и политика. № 4. 2015.